

ИСТОФАКТ

Никогда точно не узнаешь,
кто и как на тебя смотрит

Лидия Смирнова: странный роман

... Вся первая половина 1940 года прошла под знаком любви. Дунаевский опять стал жертвой страсти, той самой, от которой, как он писал, у мужчины нет спасения. Он, конечно, выторговал свое право художника у Зинаиды Сергеевны на влюбчивость.

На излете тридцатых годов его популярность была абсолютной. Он знал, что такое дорогие рестораны. что такое письма мешками. И уже знал, что такое жить с одной женщиной, признаваться в любви другой, встречаться с третьей и обращать внимание на хороших — четвертых. Все как в музыке. Левая и правая руки играют разные партии. Дунаевский так же и любил. Одних женщин у него любило правое полушарие, других — левое.

Но эта история не про нервные рефлексы, а про парадоксы жизни и женскую самостоятельность. В 1938 году ленинградский режиссер Корш-Саблин, с которым Дунаевский уже успел много и плодотворно поработать, пригласил его писать музыку к новому фильму "Моя любовь". Это была картина о честной комсомольской девушке. Главную роль исполняла Лидия Смирнова. Молодая старлетка, выученица Таирова, которая очень хотела походить на Милицу Коржю, "звезду" экрана, чем-то приглянулась Коршу.

Если верить ее мемуарам, а не верить им причины нет, она была сексуальна. Чтобы понравиться режиссеру, могла прямо на голое тело надеть платье и, понадеявшись на мужскую реакцию, прийти на кинопробы. Да еще сделать невинный взгляд. Короче, она была хороша безвозвратно, как может быть хороша только первая весна в жизни молодого человека. И глаз опытного мужчины мог это определить.

С какого-то момента они начали встречаться. Дружить. Бывает так, что страсть начинается внезапно, и узнать ее можно только по приметам. У Дунаевского приметой страсти было писание писем. Любую понравившуюся девушку он одаривал своим эпистолярным талантом. Возможно, это хорошо для потомков. Может быть, опять вмешался его беспредельный поиск красоты, вечного идеала — своеобразный невроз. Сила страсти композитора оказалась для Смирновой полной неожиданностью. Что-то, а писать письма, любить в письмах композитор умел как никто другой. Он блистал эрудицией, неизменно перевоплощался в каких-то литературных персонажей.

Корш-Саблин, на глазах которого разворачивался этот роман, по мере сил подогревал огонь страсти в душе Исаака Осиповича весьма любопытным образом. Началось все с того, что об увлечении композитора все прознали. Живая газета передавала подробности романа. Корш-Саблин ненароком попытался очернить Смирнову. Сказал, что она легкомысленная, начинает роман с тем, кто ей шире улыбнется. Привел в пример Романа Кармена, Владимира Яхонтова. Дунаевский терпел. Но в письме к Смирновой написал, что ничему этому не верит, и на чем свет обругал Корша.

Корш оказался простаком в киноинтригах. Если он думал навредить композитору, расстроить его роман, то своими замечаниями и колкими выпадами только подливала масла в огонь. Ничего так не заводило Исаака Осиповича, как угроза женщины, которая ему нравилась, оставить его. Это распалило его еще больше.

В 1940 году, после выхода "Моей любви" на экраны, портретом Смирновой во всю стену в центре Москвы был украшен кинотеатр. Ее слава была абсолютной, как у Элизабет Тейлор.

Они встречались, когда Исаак Осипович приезжал в Москву. Когда Смирнова уезжала в киноэкспедицию, он посылал вместо себя письма. Разлука их странным образом сближала. "Я не ошибусь, если скажу, что мы, вероятно, все время находимся в процессе глубокого познания друг друга. Разлука этому мешает и помогает. Ведь ты согласишься со мной, что любить — это же не значит только тяжело и страстно дышать при виде друг друга, говорить слюнные нежности и так далее. Любить — это значит учиться жизни, познавать человека, его душу, малейшие поступки".

Он пробовал перевоспитывать ее. Писал длинные умные письма. Но переписка не была ее жанром. Она не понимала, как можно любить с помощью писем, как можно заменять ими реальную жизнь. Дунаевского это злило.

"Люблю тебя свято и страстно, чисто и греховно, нежно и требовательно, ревниво и доверчиво. Люблю, как солнце любит горы, как волны любят море, как звезды любят небо", — писал он ей.

Она увлеклась, но не полюбила этого очень богатого и знаменитого человека. У него была красивая душа, и он умел так красиво любить, ухаживать. Несколько лет подряд он присылал ей белую сирень при любых обстоятельствах. Дружбы интересовались, как ее находил почтальон. Она отвечала:

— А я получала до востребования на почте. Это была большая игра. Смирнову изнурил роман с литературными играми. Ей приходилось лезть в энциклопедии, чтобы написать ответ своему возлюбленному. Разве это может длиться долго? Только до тех пор, пока у Смирновой не появился мужчина, который не требовал от нее писем.

Однажды в Москве, когда Смирнова пришла к нему в номер, Дунаевский сказал ей: "Будь моей женой". Исаак Осипович, наверное, думал, что все будет, как в киносказке. Она ответила: "Нет".

Дунаевский молча проглотил обиду. Хотя много представить, что творилось в его душе. Финал их романа красноречиво описывает Смирнова. Она прибежала к нему, вошла в номер, а он вцепил фразу: "Я вас больше не люблю. Уходите".

Так может говорить не очень влюбленный человек. Так может говорить тот, кто не любит, но хочет играть в любовь. Смирнова плакала, а потом украдкой поглядывала на себя в зеркало, красиво ли она плачет. Ей все стало понятно. Она была "при деле и при таланте", и ей совсем не захотелось менять свое устойчивое положение молодой "звезды" на неустойчивое положение еще одной возлюбленной композитора. У Дунаевского сломалась игрушка, их игра закончилась. И в ней не было победителя.

Они встретились еще раз. Каждого обманывают не больше трех раз в жизни. По-крупному, так сказано в кабале. Дунаевский преобразовывал музыку к фильму "Актриса", сценарий к которому написал Эрлман. Дел было много. В Алма-Ате он встретил свою бывшую любовь.

* Из книги "Исаак Дунаевский. Большой концерт". Фотографии из личного архива Е. И. Дунаевского. Заголовки даны редакцией.

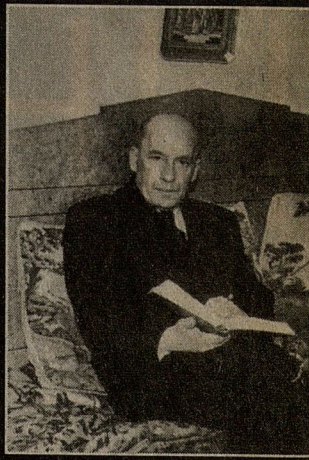
ЛЮБОВНЫЙ КЛУБОК ИСААКА ДУНАЕВСКОГО

Зинаида Сергеевна Дунаевская в паночке из горностая. Середина тридцатых годов

Наталья Николаевна Гайрина. Тридцатые годы

Любительский снимок Исаака Осиповича дома, сделанный незадолго до смерти

Зоя Ивановна Пашкова

Лидия Смирнова только что переболела тифом и, естественно, выглядела не лучшим образом. Она знала, что он придет. Еще из поезда он послал ей письмо: "такая человечина не может умереть".

Она ждала чего-то необычного. А он увидел ее и сказал: "Фу, какая вы некрасивая". Вот такой он был ценитель женщин. Мог простить женщине все, кроме потери ее красоты. Человек, для которого женская красота самое главное на свете, не может простить женщине потерю этой красоты.

Они расстались. К тому же у Исаака Осиповича намечался новый роман, о чем он сам не вполне догадывался.

Во всяком случае, обе женщины, которые прекрасно знали о существовании друг друга, чувствовали себя рядом с Дунаевским, как с тигром. Они знали, что подождали вулкан. Что им оставалось делать? Борьбу за сердце Дунаевского женскими методами. Индивидуальными. Вряд ли обе пассии догадывались, что сердце Дунаевского на самом деле отдано третьей женщине — музыке.

Он любил страстно. Стучат колеса. Мы едем-едем-едем... Так они и ехали — две возлюбленные, две танцовщицы и муза.

Зинаида Сергеевна оказалась в очень тяжелом положении. Она знала, что в гастрольную

Ей хотелось быть женой, а не возлюбленной.
Но все упиралось в традиции иудаизма.
Хотя Дунаевский не ходил в синагогу, —
развестись со своей женой он не мог.

Женское трио

25 мая 1941 года Дунаевский уехал из Ленинграда с ансамблем песни и пляски железнодорожников на гастроли по Закавказью и Северному Кавказу.

Молоденькая веселая танцовщица Зочка Пашкова ехала вместе с подружками-танцовщицами в соседнем вагоне. Хохот, смехи, пересуды...

Мы едем, едем, едем в веселые края...

С Дунаевским ехала Наталья Николаевна — тихая, очень интеллигентная, к тому времени уже разошедшаяся со своим мужем-инженером, носившая всегда серые костюмы и беззаветно влюбленная в Исаака Осиповича — ехала в одном вагоне с маэстро, в одном купе.

И та и другая женщины были влюблены в Исаака Осиповича. Остается загадкой двусмысленное положение композитора и то, как он умудрялся делить свое время между двумя женщинами. Хочется воскликнуть сакраментальное: "Любови все возрасты покорны". Исаак Осипович представлял тогда высокую партию. Любимец всей страны, орденосец, депутат, композитор, музыкант, заслуженный деятель. Мужчины девичьей мечты. Неважно, что не слишком красивый. Зато громадное сексапильное обаяние. Взрослые люди с трудом могут замечать в мире чудесное. Тут надо быть либо влюбленным, либо слишком талантливым. Счастливчики те, кому это удается совмещать.

Непостижимым образом вдохновение композитора было связано с его увлечениями. Музыка порождала любовь, а любовь порождала музыку. Взаимосвязано. Любовь была кратчайшей дорогой к музе. Ни один другой мужчина в советское время не мог похвастаться тем огромным запасом энергии, который хранился в Дунаевском.

Наталья Николаевна не могла жить без Дунаевского. Умные женщины, любящие одного и того же мужчину, становятся симпатичны друг другу. Наталья Николаевна смогла понравиться жене Исаака Осиповича. Они, как путницы, прощались один и тот же путь, лучше понимали друг друга. Наталья Николаевна ни за что не хотела сдаваться — бросила ради Дунаевского мужа, терпеливо оставалась рядом, когда Исаак Осипович бросил ее. Просила Зинаиду Сергеевну ей помочь. Приходила после войны. Жалкая, постаревшая... Но любила по-прежнему сильно.

Когда появилась Зоя Пашкова — поздняя страсть, Наталья Николаевна он скорее терпел из жалости.

поездку он отправился и с Зоей Ивановной Пашковой, и с Натальей Николаевной Гайриной.

Свои романы "на стороне" он называл поисками маленькой красоты.

Можно быть уверенным, в нагрузку Гайрина получала такую порцию ежедневных взглядов от сотрудников коллектива, приходивших к Исааку Осиповичу в купе, что мало не покажется. То ли по совместному негласному уговору, то ли по собственной инициативе днем Наталья Николаевна из купе носу не показывала, отсиживаясь в тесной и маленькой каморке. Зная ее беззаветную преданность Исааку Осиповичу, можно догадаться, что она могла отказаться от всего, лишь бы не компрометировать своего бога.

То знакомство в поезде длилось уже довольно долго. Ушли в прошлое их встречи в филармонии. Порыв сменился прозой. Исаак Осипович жаждал новой бури. Наталья Николаевна была женщиной самоотверженной, старалась стать продолжением Исаака Осиповича, его тенью. И ей это даже иногда удавалось.

Так они и ехали — каждая со своим грузом. Одна — с воспоминаниями о прошлом, вторая — с надеждами на будущее.

Пашковой хотелось быть женой, а не возлюбленной. Но все упиралось в традиции. Хотя Дунаевский внешне не педалировал своего иудаизма и никогда не чувствовал себя религиозно связанным, не ходил в синагогу — развестись со своей женой Зиной он не мог.

Сын без отчества

Евгений Исаакович Дунаевский рассказывал:

"В 1944 году, когда Исаак Осипович уже осел в Москве, Зоя Ивановна Пашкова — солистка Краснофлотского Ансамбля песни и пляски, которым руководил Дунаевский, сообщила ему, что ждет от него ребенка. В первую минуту, конечно, удивление, неверие, растерянность. Зоя Ивановна была талантливой плясуньей, очень красивой женщиной, к тому же на 24 года моложе Исаака Осиповича.

Первоначально он был против (ребенка). Семья у отца была: я и мама. И бросать ее, как и в ситуациях прежних времен, он не собирался. Но поскольку Зоя с отцом не согласилась, между ними произошел разрыв, правда, недолгий".

Это истинная правда, что он отчаялся. Письма Зои Ивановны той поры достаточно укоряющие. Он мог любить много женщин. Но он не мог позволить себе иметь от них детей. Однако же когда это случилось, ему оставалось только возрадоваться. У него родился сын, которого называ-

ли Максимом. Еще один сын, еще один наследник его таланта. Он "получился" очень талантливым.

Своим друзьям по переписке Исаак Осипович сообщил об изменениях в положении примерно в одинаковых выражениях. "Мой сын уже большой. Художник! Ему 15,5 лет. Но жизнь моя сложна и мучительна. В 1945 году — 15 января — у меня родился второй сын от другой — моей фактической жены. Зовут его Максим. По-латыни "maximus" значит самый большой. И это действительно одно из самых больших моих мучительных переживаний. Все это несколько поспокойлось, но все это страшно не устроено и раздвоено".

"В 45-м, когда родился Максим, — продолжает Евгений Исаакович, — отец снова к Зое Ивановне потянулся. Возникла запутанная и морально тяжелая ситуация. Отец не мог дать своему сыну ни отчества, ни фамилии, поскольку по тогдашнему законодательству это было бы официальным признанием двубрачия. Отцу пришлось покинуть меня и маму, что он категорически отвергал. С другой стороны, он не мог допустить, чтобы его второй сын, которого он тоже любил от всей души, был "безотцовщиной". И началась полная тревога, неопределенности и двусмысленности жизни".

С Зоей Ивановной Исаак Осипович снова стал регулярно встречаться. Настолько же регулярно отлучался из дому, но всегда поздно ночью возвращался в свой законный дом, к официальной жене Зинаиде Сергеевне. Бог знает, какая буря чувств поднялась в душе Исаака Осиповича! Но когда-то он сам попросил свою жену, любимую Бобоньку, не разводиться и не просить развод, и поэтому если когда-то у него и скребли на душе кошки, то приходилось терпеть. А на что еще ему оставалось уповать? Слава богу, с его мамой Розалией Исааковной все в порядке. После войны она стала еще более набожной и при случае просила у сына денег на пожертвования в синагогу. Была уважаемой в синагоге: имела собственное место. А о том, что Исаак Осипович знает идиш, не догадывался даже его сын. Исаак Осипович память о своих предках хранил глубоко в сердце.

Внешне все в его жизни было как будто нормально. И внешне ничего не изменилось. Но...

Общих знакомых с Зинаидой Сергеевной у Исаака Осиповича уже не осталось. Сколько раз молодому Евгению Исааковичу приходилось видеть в когда-то прекрасных светлых глазах своей мамы слезы и невыразимую тоску. "Я знал, как она одинока. У Зои Ивановны были молодость, красота, перспектива. А Исаак Осипович был таким человеком, который внешнюю красоту принимает за внутреннюю.

Отец снимал для Зои Ивановны квартиру в Воронцовском переулке. Я там никогда не был. Принципиально не ходил из-за мамы. Заезжал. В переулке встану и жду: он выходит из ворот дома, и мы едем домой". Это происходило тогда, когда отпускали шофера Исаака Осиповича. Шофером становился его сын. И Евгению, и Исааку Осиповичу это очень нравилось.

Евгений вспоминает: "Отец вставал поздно, спал до десяти. Я уходил в школу — отец еще спал. Учился до пяти. Приходил домой — отца уже не было. Встречались уже поздно, когда он возвращался: в 12 часов ночи, в час. И тут начинались наши разговоры. Говорили очень много. И не было той ночи, чтобы отец не вернулся домой. А мама была одна".

"Отец любил Максима и любил меня. И просил как старшего с братом познакомиться, сближаться, помогать ему. Моя мама тоже настаивала на этом — отец всегда делился с ней самым сокровенным". Отношения были непростыми. Например, Зоя Ивановна лично встречалась с Зинаидой Сергеевной. Она даже приезжала домой к ним на Можайскую. Не стыдилась, а может, Исаак Осипович так поставил.

"Когда Зоя Ивановна, например, приезжала в дом, где жила Зинаида Сергеевна с Исааком Осиповичем, или на дачу, Зинаида Сергеевна всегда была с ней доброжелательной и гостеприимной. Отношений не выясняла никогда".

Ее скромная и затворническая жизнь резко контрастировала с жизнью, которую вела Зоя Ивановна. "И мне тогда казалось, — говорит Евгений, — что знакомство с Максимом было бы предательством по отношению к ней: Я отказывался. Хотя знал: если что случится в нашей семье, я никогда не оставлю Максима в беде".

Много всего смешного и обидного рождалось из этой ситуации. Масса всяких тонкостей обнаруживалась. С рождением Максима Зоя Ивановна стала представлять собой окружающим женой Исаака Осиповича. Многие ее до сих пор считают женой. Более того, когда она после смерти Дунаевского еще раз вышла замуж, ее новый муж многим представлял свою жену: "А это жена Дунаевского". И не просто все получалось в этой семье.

Начала официально Максима Исааковича Дунаевского — сына композитора — не существовало. Был только Максим Пашков. Евгений Исаакович рассказывает: "Отца это страшно расстроило. Получилось, что его сын растет "безотцовщиной". Исааковичем Максим стал только после смерти отца. Зоя Ивановна обратилась к четырем братьям Исаака Осиповича и к их матери Розалии Исааковне с просьбой официально признать Максима сыном композитора и дать ему отчество отца. Против никто не был, все ведь прекрасно знали, чей он ребенок, и Розалия Исааковна со своим старшим сыном Борисом поехала в суд, где во всеуслышание признала мальчика внуком. Так решением суда Максим Пашков получил отчество "Исаакович". Зоя Ивановна была счастлива, всех благодарила".

Мистическая смерть

С Зоей Ивановной все закончилось мистическим образом. Она долго и благополучно жила, встречалась с Евгением, в сборниках памяти Дунаевского ее скромно именовали по имени, без пояснений, кто это такая. В 1991 году, ровно в день рождения Исаака Осиповича, она возвращалась со своим мужем из гостей. Было довольно поздно, и ради какого-то, ведомого только им удобства они переходили Ленинградский проспект у станции метро "Белорусская" в неполюженном месте. Зоя Ивановна шла на полшага позади своего мужа, художника-оформителя. Из-за поворота выскочила машина. Муж успел перейти, а Зоя Ивановна было. Она сразу скончалась.

Можно, конечно, всякое думать, но то, что это произошло в день рождения Исаака Осиповича, говорит о многом. Может, это был ответ или окончание каких-то дальних счетов и обид между нею, красивой женщиной Зоей Ивановной Пашковой, и Исааком из Лоховицы?

Ни одна из женщин Исаака Осиповича Дунаевского не была по-настоящему счастливой. Что-то им мешало. Может, что-то на них плохо смотрел то ли сверху, то ли снизу? Никогда ведь точно не узнаешь, кто и как на тебя смотрит: то ли благословляя, то ли издевая.

Дмитрий МИНЧЕНКО